

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 167–177, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-167-177
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.33

Some Aspects of Grapho-Phonetic Interference in Mongolian Translated Texts (Evidence from the Mongolian translation of *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*)

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru

Abstract. The article analyzes a Mongolian translation of *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*, one of the popular Buddhist compositions of the devotional genre. Investigating Sanskrit, Uighur, Tibetan and Chinese loan words, the paper examines some cases of phonetic interference, i. e., ways of assimilation of such words in the Mongolian language. Most of the examined Sanskrit and Central Asian loan words had been borrowed into Mongolian via the Uighur language, Mongolian translators thus making use of the already developed Buddhist terms.

The assimilation of loan words in written Mongolian is accompanied by the phonetic phenomena as follows: epenthesis, syncope, progressive and regressive assimilation, metathesis, uvularization of consonants, and transformation of some sounds. In most cases it is all due to the specific features of Mongolian phonetics, e. g., no consecutive use of three consonants is possible which results in the emergence of additional vowels between the consonants or interchange of letters in a word. The paper notes that two or even more of the mentioned phonetic phenomena may coexist in just one word. The considered translated text dated approximately to the 16th–17th cc. contains some features of pre-classical Mongolian.

Keywords: translated Buddhist literature, Tibet, Mongolia, *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*, phonetic interference

Основной корпус средневековой монгольской литературы (XVII–XVIII вв.) составляют переводы буддийских сочинений. В подобных текстах, несомненно, получили отражение процессы взаимовлияния оригинального языка и языка перевода, результат которых мы определяем как межъязыковую интерференцию. Термин интерференции, введенный в лингвистику учеными Праж-

ского лингвистического кружка, объясняется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Лингвистический энциклопедический словарь]. Рассмотрение проблемы фоне-

тической, а именно: графо-фонетической интерференции (поскольку мы имеем дело с письменными текстами), на материале переводных текстов представляется актуальным, поскольку позволит описать характер и механизмы влияния фонетической системы языка оригинала на язык перевода, в данном случае санскрита, на монгольский через посредство других языков центральноазиатского буддизма. В статье не описываются случаи тибето-монгольской графо-фонетической интерференции (что было бы логично, так как основной корпус буддийских текстов был переведен на монгольский именно с тибетского), поскольку в привлекаемом тексте представлен лишь один пример заимствования из тибетского языка, которое попало в монгольский язык через уйгурский, большая же часть рассматриваемых заимствований попала через уйгурское посредство.

«Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» (санскр. *Ārya bhadrā caryā prañidhāna rāja*; тиб. *'phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*; монг. *qutuγ-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*) (сокращенно — «Бхадрачарья»¹) — одно из сочинений буддизма Махаяны девиционального жанра, получивших широкое распространение во многих странах буддизма Махаяны, включая Тибет и Монголию, и сохранившихся в современной буддийской традиции. Создание санскритской оригинальной версии ученые относят к IV–V в. н. э. [Asmussen 1961: 5; Osto 2010: 1–21]; по мнению Д. Осто, в VIII в. н. э. «Бхадрачарья» была искусственно включена в состав «Гандавьюха-сутры» [Osto 1999: 12; Osto 2010: 1]. Она принадлежит к жанру *пранидхан*, молитв-устремлений, в которых в качестве наивысшего восхваляется образ действий бодхисаттвы, направленный на достижение Просветления. Термин *пранидхана*, обозначающий в индуизме практику постоянного обращения

¹ Такое сокращенное название (англ. *Bhadracarya / Bhadracari*) используют большинство европейских исследователей, занимающихся изучением данного текста в традиции Индии, Китая и Тибета (см. [Asmussen 1961; Osto 1999, 2010]). Д. Осто использует сокращение «Bhadracari» (Bhad.) для стихотворного фрагмента заключительной части «Гандавьюха-сутры», отличая его таким образом от прозаической части, которая обозначается им как «Samantabhadracaryāprañidhānam» (Scp) [Osto 1999: 2].

к богу и служения ему [Популярный словарь по буддизму], приобрел в махаянском буддизме значение особого молитвенного устремления действовать в соответствии с Дхармой. Как правило, *пранидханы* — это относящиеся к тому или иному бодхисаттве поэтические произведения, написанные разной стихотворной метрикой².

«Бхадрачарья» была переведена на тибетский язык в числе первых буддийских текстов в VIII–IX в. н. э. известными переводчиками Джинамитрой и Сурендрабодхи и отредактирована великим переводчиком *бханде* Еше Де и др. (тиб. *Rgya gar gi mkhan po Dzi na Mi tra dang /Su rendra Bo dhi dang / zhus chen gyi lo tsā ba bande Ye shes sde / la sogs pas bsgyur cing zhus te gtan la phab pa'o* [Bka' 'gyur, Phal po che, 38 2008: 797]. Кашмирский пандита Джинамитра (тиб. *Rgyal ba'i bshes gnyen*), а также другие пандиты, в том числе и Шилендрабодхи и Данашила, прибыли в Тибет по приглашению царя Тицугдэцэн Ралпачена (тиб. *Khri gtsug lde bitsan ral pa can*) (815–841) (в некоторых источниках указывается, что Джинамитра прибыл в Тибет раньше, во время правления царя Тисон Дэцэна (755–797)) для перевода священных текстов с санскрита на тибетский язык. В итоге этой работы был составлен первый санскритско-тибетский словарь «Махавьюттпати» и выработана официальная индо-тибетская буддийская терминология [Кычанов, Мельниченко 2005: 40]. Сурендрабодхи (тиб. *Lha dbang byang chub*) упоминается в числе пандит, приглашенных царем Ралпаченом [Surendrabodhi]. Еше Де (тиб. *Ye shes sde*, также известен как *Sna nam ye shes sde, Zhang gi bhan dhe ye shes sde*) (2-ая половина VIII — начало IX вв.) известен как один из трех наиболее выдающихся переводчиков своего времени, осуществивший перевод более трехсот текстов с санскрита на тибетский язык, вошедших в состав буддийских канонических сборников Кагьюра (тиб. *Bka' 'gyur*) и Тенгьюра (тиб. *Bstan 'gyur*). Кроме того, он был одним из двадцати пяти ближайших учеников Гуру Падмасамбхавы, передававшим учения по абхидхарме и праджняпарамите и овладевшим в совершенстве практикой Ваджракилаи [Yeshe De]. В Кагьюре «Бхадрачарья» встречается как заключительная часть «Гандавьюха-сутры» в томе *cha* раздела

² «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» написана с использованием стихотворного размера *додхака* [Asmussen 1961: 5].

сутр «Аватамсака-сутра» (тиб. *Sangs rgyas phal po che'i mdo*, сокращ. *Phal chen*) и как отдельный текст «*'Phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*» в томе «Сунгдуй» (тиб. *Mdo sngags gsung rab rgya mtsho'i snying po mtshan gzungs mang bsdus bzhugs so*). Последний текст, входящий также в состав литургических сборников, используемых монахами при чтении молебнов, получил распространение в буддийской традиции Тибета, а затем и Монголии.

Фрагменты первых монгольских переводов «Бхадрачарьи», датирующихся XIV в., сохранились в Турфанской коллекции под №№ 5, 33 [Tumurtogoo 2006: 84, 99]. Полные переводы «Бхадрачарьи» содержатся в рукописном Ганджуре: в томах №№ 50 (*ga*) и 53 (*cha*) раздела «*Olangki*», а также в томе № 100 раздела «*Eldeb*» [Каталог Петербургского рукописного Ганджура 1993: 163, 165, 253]. О популярности данного текста в книжной традиции монгольских народов свидетельствуют многочисленные рукописные образцы данного текста, представленные в каталогах монгольских и ойратских рукописей различных фондохранилищ [Сазыкин 2001; Успенский 2001; Brief catalogue... 2005; Музраева 2012; и др.]. Для анализа нами привлекается монгольский текст «*Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*» (букв. 'Благородный царь устремлений о благом пути') из факсимильного издания ксилографического Ганджура [Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan].

Монголы познакомились с буддизмом в XIII в., по свидетельству многих ученых, через уйгурских учителей, и восприняли от них сформировавшуюся буддийскую терминологию, а также некоторые правила переводческой техники [Rona-Tas 1965: 121; Кара 1972: 20–27; Цыбиков, 2 1991: 28–29; Владимирцов 2005: 39]. Уйгурам, проживавшим в Восточном Туркестане, через который пролегал Шелковый путь, буддизм был известен уже в первые века нашей эры. В то время буддизм господствовал во многих государствах Центральной Азии: исследования буддийской терминологии уйгурского языка показывают, что большое влияние на развитие уйгурского буддизма оказывали согдийская, тохарская и хотанская буддийские традиции, о чем писал Б. Я. Владимирцов: «Уйгуры же, как и некоторые другие турки, находились в непосредственных сношениях с народами, говорившими и писавшими на старых индоевропей-

ских среднеазиатских языках, и находились под большим их влиянием» [Владимирцов 2005: 109]. В этой же статье исследователь отмечает важную роль согдийского языка в культурном пространстве Центральной Азии того времени, называя его «*lingua franca*» этого региона [Владимирцов 2005: 109]. Кроме того, Б. Я. Владимирцов пишет о хотанских заимствованиях в монгольском языке [Владимирцов 2005: 110].

Таким образом, в монгольских переводах буддийской литературы обнаруживается множество попавших через посредство уйгуров буддийских терминов согдийского и тохарского происхождения или санскритских заимствований, изменивших свой фонетический облик под влиянием указанных языков. Ю. Н. Рерих отмечает «большое число заимствованных санскритских слов в согдийской и уйгурской „одежде“» в ранний период распространения буддийского учения среди монголов [Рерих]. Основной тенденцией, как отмечает ученый, «было заимствование санскритских буддийских терминов без попытки перевода их на монгольский; практика, несомненно, обусловленная недостаточной разработанностью философской терминологии» [Рерих]. Для сочинений более позднего этапа распространения буддизма, начиная с XVII–XVIII вв., характерно написание санскритских имен собственных, названий или терминов в восстановленном переводчиками фонетическом облике, более близком к санскриту, с использованием транскрипционного алфавита *галик*, созданного переводчиком Аюши-гуши в 1587 г. [Кара 1972: 73]. Об этом подробно излагается в одном из ярких образцов монгольской лексикографической традиции — словаре «Источник мудрецов»: «При переводе имен пандит, чудотворцев (сиддхов), царей, сановников и других, а также названий стран, цветов, фруктов и деревьев бывает трудно их понять и выговорить, а при приблизительном переводе значение искажается или не походит в текст по смыслу. В таких случаях в зависимости от того, к чему оно более подходит — к началу или концу имени пандиты, царя или названия цветка, надо прибавить один перевод части имени (или названия), а все остальное оставить по-санскритски или по-тибетски» [цит. по: Музраева 2013: 23]. В тексте «Бхадрачарьи» большую часть заимствований составляют искаженные санскритизмы, перенятые из уйгурского; единичными приме-

рами представлены заимствования из тибетского и китайского языков, которые также попали через уйгурское посредство.

В небольшом отступлении мы дадим краткое описание языков, заимствования из которых опосредованно или напрямую оказались в языке монгольских буддийских переводов. Санскрит (букв. 'законченный, совершенный') — древний литературный язык Индии, принадлежащий к индоиранской ветви индоевропейской семьи языков, со сложной синтетической грамматикой; относится к флективным языкам. Большая часть текстов махаянского буддизма написана на так называемом «буддийском гибридном санскрите», сформировавшемся после кодификации классического санскрита индийским грамматиком Панини (предположительно V в. н. э.). Тохарские языки представляют собой группу мертвых языков индоевропейской семьи: в рукописях VI–VIII вв., обнаруженных в начале XX в. на территории оазисов Таримского бассейна, представлены два языка: «тохарский А» (восточно-тохарский), использовавшийся в Турфанском оазисе, и «тохарский Б» (западно-тохарский), распространенный в оазисе Куча. «Тохарский А», считающийся более древним и являвшийся, предположительно, ко времени записи текстов уже мертвым языком, использовался для фиксации сакральных текстов, в то время как «тохарский Б» был разговорным. Кроме того, существует предположение о существовании еще одного языка «тохарский С», бытовавшего в оазисе Лоулань. Согдийский является языком восточноиранской

группы иранских языков, на котором говорили в Согдиане (территория современных Узбекистана и Таджикистана) до начала распространения ислама в X в. н. э., а также в многочисленных согдийских колониях вдоль Шелкового пути. Он принадлежит к языкам смешанного типа, совмещающая признаки синтетических и агглютинативных языков. Стоит упомянуть, что в основе уйгурского и монгольского письма лежит именно согдийский алфавит. Хотанский язык (или хотаносакский), бытовавший в Хотанском оазисе, также принадлежит к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. Памятники хотанской буддийской литературы датируются IV–XI вв. Китайский и тибетский языки, входящие в сино-тибетскую языковую семью, являются изолирующими, однако морфология тибетского языка описывается как агглютинирующая. Наконец, древнеуйгурский язык, наиболее близкий из указанных языков к монгольскому, принадлежит к тюркским языкам алтайской языковой семьи.

Проблема адаптации санскритских заимствований к фонетической системе уйгурского и монгольского языков рассматривалась японским ученым М. Шогайто в статье «Об уйгурских элементах в монгольских буддийских текстах» [Shogaito 1991: 27–49]. Исследователь пишет о так называемых «уйгуро-тохарских правилах», т. е. типах изменения санскритских слов в монгольском языке согласно унаследованной уйгурами, а затем и монголами тохарской лингвистической традиции.

Таблица № 1. Типы изменений санскритских слов согласно «уйгуро-тохарским правилам»

№	Санскрит	Тохарский	Уйгурский	Монгольский
1	-a (одушевл.)	-e / -ā	-i	-i
2	-a (неодушевл.)	— (нулевое окончание)	— (нулевое окончание)	— (нулевое окончание)
3	-i / -ī	-i / -e	-i	-i
4	-u / -ū	-u	-u	-u
5	-in	-i / -ī	-i	-i
6	-jit	-ji / -ci	-či	-či

Автор статьи не уточняет, о каком именно тохарском идет речь (тохарском А или тохарском Б). Ниже мы хотим привести несколько примеров санскритских заимствований из рассматриваемого текста с

параллелями из тохарского Б³ [A dictionary of Tocharian B], согдийского, уйгурского и монгольского:

³ Доступа к словарю «тохарского А» у нас, к сожалению, нет.

Таблица № 2. Санскритские заимствования из монгольского текста «Бхадрачарьи» с параллелями из тохарского, согдийского и уйгурского языков

Санскрит	Тохарский В	Согдийский	Уйгурский	Монгольский
<i>bodhisattva</i>	<i>bodhisātve</i>	<i>pwtystβ</i>	<i>bodistv</i>	<i>bodhi satuva</i>
<i>dhyāna</i>	<i>dhyām</i>	—	<i>dijan</i>	<i>diyan</i>
<i>koṭi</i>	<i>koṭ / kor</i>	<i>kwrtv</i>	<i>kolti</i>	<i>költi</i>
<i>kumbhāṇḍa</i>	<i>kumbhāmṇḍe</i>	—	<i>kumbanti</i>	<i>kumbandi</i> + оконч.
<i>pāramitā</i>	<i>pāramit</i>	<i>p'r'm'yt</i>	<i>paramit / baramit</i>	мн. ч. -s <i>baramid</i>
<i>paramāṇu</i>	—	—	—	<i>barman</i>
<i>puṇya</i>	—	<i>pwny'n</i>	<i>bujan</i>	<i>buyan</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>śikṣapāt</i>	<i>škš'pt / čyš'pδ</i>	<i>Č(a)ṣap(y)t</i>	<i>šayšabad</i>
<i>Sumeru</i>	<i>Sumer</i>	<i>Sm'yr</i>	<i>Sumir / Sumur</i>	<i>Sümir</i>

Примеры из текста «Бхадрачарьи» иллюстрируют только первые два типа изменений:

1) санскр. *a* (одушевл.) → тох. *-e / -ā* → уйг., монг. *-i*:

kumbhāṇḍa → *kumbhāmṇḍe* → *kumbanti* → *kumbandi* + оконч. мн. ч. *-s*.

2) санскр. *a* (неодушевл.) → тох., уйг., монг. — (нулевое окончание):

pāramitā → *pāramit* → *paramit* → *baramid*;

śikṣapada → *śikṣapāt* → *čixšapat* → *šayšabad*.

Б. Я. Владимирцов вслед за А. фон Сталь-Гольштейном и С. Коновым причисляет санскритские заимствования, в которых произошел переход *a* → *i*, не к тохарским, а к хотанским заимствованиям, называя их хотанско-уйгурскими формами [Владимирцов 2005: 112], причем указывает, что в монгольский эти слова могли попасть не только из уйгурского, но и через посредство тибетского [Владимирцов 2005: 113]. Также примеры из рассматриваемого текста опровергают типы №№ 3 и 4:

3) санскр. *-i / -ī* → тох. *--i / -e* → уйг., монг. *-i*:

но: *koṭi* → *koṭ / kor* → *kolti* → *költi*;

4) санскр. *-u / -ū* → тох., уйг., монг. *-u*:

но: *Sumeru* → *Sumer* → *Sumir / Sumur* → *Sümir*;

paramāṇu → неизвестно → неизвестно → *barman*.

В примере типа № 3 в тохарской форме произошло выпадение конечного *-i*, хотя, согласно выводам М. Шогайто, в данном случае он должен был сохраниться. Примеры типа № 4, согласно которому санскритский *-u* сохраняется, показывают, что выпадение звука произошло еще в тохарской форме.

Мы привели в таблице параллели из согдийского языка, чтобы наглядно показать, что уйгурские и монгольские заимствования по фонетическому звучанию ближе скорее согдийским формам, нежели тохарским. Об этом писал Б. Я. Владимирцов: «Монголы позаимствовали также от согдийцев через посредство уйгуров согдийскую систему транскрипции иноязычных слов, в частности санскритских и пракритских; система эта с очень небольшими изменениями долго имела силу в монгольской письменности и применяется и до сих пор» [Владимирцов 2005: 114].

Таким образом, используя терминологию М. Шогайто, Б. Я. Владимирцов писал о «согдийско-уйгурских правилах»: «Уйгуры и монголы согласно своей системе приспособления семитического согдийского алфавита, который, собственно говоря, не обозначает гласных, согдийское *yod* (*y*) стали читать всегда как *i*, согд. *waw* (*w*) как *o* и *u*, согд. *āleph* (') как *a* и *e*; затем не надо забывать, что согд. *β* и уйг., монг. *v*, согд. *p* и уйг., монг. *p*, *b*, согд. *δ* и уйг., монг. *d* — одни и те же буквы» [Владимирцов 2005: 115]. Кроме того, в доклассическом монгольском языке часто встречаются кальки из уйгурского (уйг., монг. *bodistv*), отражающие особенности согдийского консонантного письма. Б. Я. Владимирцов пишет о том, что вместе с системой транскрипции уйгуры и монголы позаимствовали у согдийцев и принципы чтения заимствованных слов. Впоследствии, возможно, по причине утраты данной традиции, монгольские писцы стали вставлять гласные звуки, образуясь с особенностями фонетической системы монгольского языка. Например, согд. *pwtystβ* → уйг., среднемонг. *bodistv* → классич. монг. *bodhi satuva*: между соглас-

ными *s, t, v* вставлены гласные. Г. Д. Санжеев пишет о невозможности в монгольском языке ситуации трехконсонантности, которая устраняется, как и в нашем случае, при помощи вставного гласного *-u / -ü* [Санжеев 1953: 49]. Что касается сочетания согласных *-s* и *-t*, Г. Д. Санжеев, деля согласные классического монгольского языка на превокальные (*x, t, ч, дж, j* и *к*) и непревокальные (*н, нг, б, г, д, л, м, р, с, ш*), пишет о том, что превокальные согласные никогда не встречаются перед каким-либо согласным, а, следовательно, и в конце слога, а непревокальные могут находиться либо в начале слога, либо в конце последнего [Санжеев 1953: 49]. Б. Я. Владимирцов указывает, что

1. Эпентеза (вставка звуков)

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>bodhisattva</i>	<i>bodistv</i>	<i>bodhi satuva</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>vyakṛta</i>	<i>vyakrit</i>	<i>vivanggirid (vivangkirid)</i>

Эпентеза — фонетическое явление, выражаемое в добавлении гласных или согласных. Первый пример разобран выше. Во втором примере (*kalpa* → *kalp* → *yalab*) выпадение санскритского конечного *-a* произошло в уйгурском, конечный *-lp* в монгольском трансформировался в *-lb*, поскольку в доклассическом монгольском графема *p* не встречается в финальной позиции. Сочетание *-lb* в классическом монгольском возможно, в основном в середине слова (см. *elbeg*), однако вместе с тем ни в одном из монгольских языков согласный не может стоять в середине слога [Санжеев 1953: 44], что обусловило появление промежуточного гласного *a* между согласными. В третьем

монгольский язык не терпит напластования нескольких согласных [Владимирцов 2005: 568], во избежание чего между ними вставляются гласные. З. К. Касьяненко также пишет о том, что перед или после семи вокализованных согласных *б, в, г, л, м, н, р* всегда находится гласный [Касьяненко 2002: 8]. Таким образом, поскольку превокальный *-t* не может предшествовать согласному, между ним и звуком *-s* вставляется гласный *-a*.

Подобные особенности фонетической системы классического монгольского языка выступают причиной некоторых фонетических процессов, которым подвергаются заимствования. М. Шогайто описал следующие [Shogaito 1991: 39–42]:

примере (*vyakṛta* → *vyakrit* → *vivanggirid / vivangkirid*) в уйгурской форме также отмечается выпадение конечного *-a*; затем, скорее всего, по причине сходства графем *u* и *v* монгольские переписчики стали транслитерировать второй слог как *va*. Монгольская графема *k / g* передает и заднеязычный глухой [к] и заднеязычный звонкий смычный [г]: возможно, что монгольские переписчики, следуя принципу регрессивной ассимиляции, т. е. уподобляя графему *k / g* последующим согласным *r* и *d*, читали ее как звонкий [г]. Между гласным *a* и согласным *g* вставлен носовой согласный *ng*: см. монг. *anggi*, в котором гласный *a* назализируется в позиции перед сочетанием *-gi*.

2. Ассимиляция гласных (уподобление одного звука другому)

2.1. Регрессивная (последующий гласный влияет на первый)

Уйгурский	Монгольский
<i>kolti</i>	<i>költi</i>
<i>Sumir / Sumur</i>	<i>Sümir / Sümer</i>

2.2. Прогрессивная (первый гласный влияет на последующий)

Уйгурский	Монгольский
<i>ärtini</i>	<i>erdeni</i>

Ассимиляция — один из наиболее распространенных типов изменения звука в речи. В монгольском тексте «Бхадрачарьи» встречаются примеры двух видов ассимиляции: регрессивной и прогрессивной. Так, в примере регрессивной ассимиляции (уйг. *kolti* — монг. *költi*) палатальный *i* влияет на

предшествующий гласный *o* в уйгурском варианте слова, и последний превращается в палатальный *ö*. В примере прогрессивной ассимиляции (уйг. *ärtini* — монг. *erdeni*) гласный первого слога *ä* (монг. *e*) влияет на второй гласный, который уподобляется ему (*erdeni*).

3. Увуляризация согласных

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>kšana</i>	неизвестно	<i>gšan</i>
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut / piratakabut</i>	<i>bratiyabud</i>

Увуляризация — это вторичная артикуляция согласных или гласных, в процессе которой задняя часть языка приближается к нёбному язычку и верхней части глотки с первичной артикуляцией звука в другом месте. М. Шогайто называет увуляризацией переход санскр., уйг. *k* в монг. *g* / *γ*. Рассмотрим пример *kalpa* → *kalp* → *yalab*: в классическом монгольском графема *k* / *g*, как указано выше, обозначала две фонемы мягкого ряда — глухой [к], который развился во многих монгольских диалектах в глухой проточный [х] или аффрикату [кх], и звонкий [г]. Поскольку это слово твердого ряда, графема *k* / *g* заменена графемой *q* / *γ*. В монгольском языке обычно заднеязычному *k* в словах твердого ряда соответствует пе-

реднеязычный *q*, однако в данном примере, возможно, для передачи уйгурского смычного звука *k* был использован монгольский *γ*, который также является смычным согласным, в отличие от *q*.

Также М. Шогайто описал следующие возможные трансформации заимствованных слов: уйг. *i* → монг. *e* (уйг. *bič'in* — монг. *beč'in*), санскр., уйг. *v* → монг. *o* (уйг. *vč'ir* — монг. *oč'ir*); санскр., уйг. *v* → монг. *b* (уйг. *vasubandu* — монг. *basubandu*); санскр., уйг. *v* → монг. *u* (уйг. *taxadivi* — монг. *maha-a diu-a*); санскр., уйг. *y* → монг. *v* (уйг. *Motgalayani* — монг. *Modgalvani*) и др. В тексте «Бхадрачарьи» обнаруживаются примеры двух трансформаций:

i → *e*:

Уйгурский	Монгольский
<i>bilgā</i>	<i>belge</i>
<i>yilvi</i>	<i>yelbi</i>

y → *v*:

Уйгурский	Монгольский
<i>vyākrit</i>	<i>vivanggirid</i>

Относительно трансформации санскр., уйг. *v* → монг. *u* в позиции в середине слова стоит отметить, что для большинства переводных буддийских текстов на монгольском языке действительно более характерна форма *bodisadu-a*, однако в рассматриваемом

мом тексте встречается форма *bodhi satuva*.

В числе других изменений заимствованных санскритских слов в монгольском, не указанных в статье М. Шогайто, мы можем назвать следующие на примере рассматриваемого текста:

1. Синкопа, апокопа (выпадение звука)

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>paramāṇi</i>	неизвестно	<i>barman</i>
<i>pāramitā</i>	<i>paramit</i>	<i>baramid</i>
<i>kšana</i>	неизвестно	<i>gšan</i>
<i>nirvāṇa</i>	<i>nirvan</i>	<i>nirvan</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>čixšapat</i>	<i>šayšabad</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut / piratakabut</i>	<i>bratiyabud</i>

Синкопа — фонетическое явление, заключающееся в выпадении, как правило, безударного звука или группы звуков. Она представлена в первом примере: санскр. *paramāṇi* — монг. *barman*: поскольку сочетание *-rm* в середине слова в монгольском допустимо (см. *ermeg*), гласный *a* между согласными *r* и *m* выпадает.

Остальные примеры иллюстрируют апокопу, т. е. выпадение конечного звука. Как видно из таблицы № 2 с параллелями из согдийского и тохарского языков, выпадение конечного звука, как правило, происходило в согдийском языке, а монголы через посредство уйгуров перенимали уже усеченные формы санскритских слов.

2. *Переход $p \rightarrow b$, $t \rightarrow d$*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>pāramitā</i>	<i>paramit</i>	<i>baramid</i>
<i>paramāṇu</i>	неизвестно	<i>barman</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>čixšapat</i>	<i>šayšabad</i>

В грамматиках монгольского языка исследователи не разотмечали случаи перехода графемы *p*, введенной в классический монгольский в составе транскрипционного алфавита Аюши-гуши, в *b* в иноязычных словах [Санжеев 1953: 86; Владимирцов 2005: 808]. Интересно отметить, что в древнеуйгурском, как пишет М. Эрдал в «Грамматике древнетюркского языка», наоборот, отсутствует фонема *b*: она встречается лишь в позиции в середине слова (в поздних тек-

стах) и никогда — в начале (вместо нее используются фонемы *v* и *p*) [Erdal 2004: 62].

Относительно перехода $t \rightarrow d$, Б. Я. Владимирцов пишет, что в монгольском письменном на конце всегда имелся *d*, глухой же вариант *t* не встречался вовсе, о чем говорит вся система консонантизма монгольского письменного, не знавшая глухих смычных на конце слов [Владимирцов 2005: 803].

3. *Метатеза (перестановка звуков)*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>piṅya</i>	<i>bujan</i>	<i>buyan</i>
<i>dhyāna</i>	<i>dyan</i>	<i>diyan</i>

Метатеза — взаимная перестановка звуков или слогов на почве ассимиляции или диссимиляции. Как видно из вышеприве-

денных примеров, в обоих случаях метатеза произошла на уйгурской почве, монголы лишь заимствовали измененные слова.

4. *Трансформация санскритских придыхательных согласных в непридыхательные*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut</i>	<i>bratiḡabud</i>
<i>kumbhāṇḍa</i>	<i>kumbanti</i>	<i>kumbandi</i>
<i>Sukhavati</i>	неизвестно	<i>Sugavadi</i>

Непридыхательные согласные в уйгурских и монгольских формах санскритских заимствований, вероятно, можно объяснить отсутствием соответствующих знаков в уйгуро-монгольской графике в период заимствования данных слов из уйгурского (XIII–XIV вв.). При составлении монгольского перевода «Бхадрачарьи», вошедшего в ксилографический Ганджур, вероятно, в XVII вв. переводчики оставили некоторые санскритские заимствования в том виде, в каком они были переняты из уйгурского. Однако стоит отметить, что в некоторых словах используется транскрипционный

знак *галика* для обозначения санскритского *h* в составе придыхательных согласных (см. *bodhi qutuḡ*, *bodhi satuva*, *bodhičid*), что демонстрирует нам самостоятельные попытки монгольских переводчиков восстановить санскритские слова согласно правилам перевода, зафиксированным в словаре «Источник мудрецов».

Далее рассмотрим заимствования из тибетского и китайского языков. В тексте отмечено только одно заимствование из тибетского, попавшее в монгольский при посредстве уйгурского языка:

Тибетский	Уйгурский	Монгольский
<i>jig rten</i>	<i>yérтин + суффикс čü</i> ⁴⁰	<i>yirtinčü</i>

Этот термин, который можно отнести к ранним заимствованиям, встречается в древнетюркских памятниках [Porre 1955: 39], а также в ранних памятниках уйгуро-

монгольского письма: рукописных образцах турфанской коллекции, комментарии Чойджи Одсера к «Бодхичарья-аватаре» и др. [Tumurtogoo 2006: 630].

Китайские заимствования в тексте ограничиваются пятью словами:

Китайский	Уйгурский	Монгольский
佛 (<i>fo</i>)	<i>burxan</i> (<i>fo</i> + уважит. оконч. - <i>qan</i> / - <i>khan</i> в алтайск. языках) ⁴³	<i>burqan</i>
阿彌陀 (<i>Ē mí tuó Fó</i>)	<i>Abita</i>	<i>Abida</i>
蓮花 (<i>lián huā</i>)	<i>linxu-a</i>	<i>lingqu-a</i>
道士 (<i>dao ren</i>)	<i>Toyin</i>	<i>toyin</i>
龍 (<i>lóng</i>)	<i>lu / luu</i>	<i>Luus</i> (уйг. <i>luu</i> + оконч. мн. ч. - <i>s</i>)

Поскольку, как уже установлено учеными, данные заимствования из китайского и тибетского языков произошли на уйгурской почве, мы можем рассмотреть лишь те изменения, которым подверглись уйгурские формы в монгольском языке. В монг. *Abida* (от уйг. *Abita*) мы имеем случай переход $t \rightarrow d$, описанного выше. В монг. *lingqu-a* (от уйг. *linxu-a*) согласный *-n* заменен носовым *-ng*; кроме того, в этом слове встречается восходящий дифтонг *-ua*, нехарактерный для классического монгольского языка и, по утверждению Б. Я. Владимирцова, появившийся под влиянием заимствований из китайского и маньчжурского языков [Владимирцов 2005: 708]. В монг. *luus* мы имеем случай использования формы множественного числа в значении единственного (см. *šimnus*, *kumbandis*, *nisvanis*). Формы *burqan* и *toyin* идентичны уйгурским.

Итак, сделаем некоторые выводы после рассмотрения фонетических изменений заимствованных слов в монгольском языке на примере монгольского перевода «Бхадрачарьи». При ассимиляции иноязычных слов в письменном монгольском языке возникают следующие фонетические явления: эпентеза, синкопа (апокопа), прогрессивная и регрессивная ассимиляция, метатеза, увуляризация согласных и трансформации некоторых звуков. Причины данных фонетических явлений, описанных на материале письменного монгольского языка Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 2005: 708], кроются в строе монгольского языка: в большинстве случаев причиной эпентезы или метатезы является невозможность трехконсонантности или сочетания определенных согласных в слове, в силу чего между согласными вставляются дополнительные гласные или происходит перестановка слогов. Также причиной эпентезы и во многих случаях — трансформации глухих согласных *p*, *t* в *b*, *d* является особенность монгольского языка, в силу которой определенные согласные не встречаются в конце слова, ввиду чего

к согласному присоединяется конечный гласный, или конечный глухой согласный озвончается. В одном слове могут встретиться два или несколько явлений: в слове *yalab* отмечены эпентеза (вставка звука *a*) и увуляризация; в слове *baramid* — апокопа и переход $p \rightarrow b$.

Стоит отметить, что некоторые санскритизмы в рассматриваемом тексте представляют собой восстановленные монгольскими переводчиками формы, в которых используются знаки *галика*, однако в нескольких случаях переводчики предпочли оставить уйгурские формы санскритских слов, характерные для текстов более раннего периода. Немногочисленные заимствования из китайского и тибетского языков, обнаруженные в тексте «Бхадрачарьи», также попали в монгольский через уйгурское посредство.

Источники

Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qaγan // Nomuyadqaqu-yin sitügen. Šata-piṭaka series. Indo-Asian literatures. Vol. 208. New Delhi, 1979. P. 499–508.

Литература

- Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 229 с.
- Касьяненко З. К. Современный монгольский язык: уч. пос. М.: Муравей; Вост. лит., 2002. 159 с.
- Каталог Петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указат. З. К. Касьяненко. М.: Наука, 1993. 382 с.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь [электронный ресурс] // URL: <http://taremark.narod.ru/les/197c.html> (дата обращения: 14.08.2017).
- Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.

- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2013. 150 с.
- Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям / сост. Голуб Л. Ю., Другова О. Ю., Голуб П. Ю. [электронный ресурс] // URL: <https://coollib.com/b/100767/read> (дата обращения: 14.08.2017).
- Перих Ю. Н. Тибетские заимствованные слова в монгольском языке [электронный ресурс] // URL: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (дата обращения: 15.08.2017).
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М.: Изд. фирма «Вост. лит.-ра РАН», 2001. 416 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2: О центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. 240 с.
- A dictionary of Tocharian B by Douglas Q. Adams. Leiden Studies in Indo-European 10. XXXIV. Rodopi: Amsterdam–Atlanta, 1999. 830 p. [электронный ресурс] // URL: <https://www.win.tue.nl/~aeb/natlang/ie/tochB.html> (дата обращения: 15.08.2017).
- Asmussen J. P. The Khotanese Bhadracaryādeśanā (Text, translation, and glossary, together with the Buddhist Sanskrit original). Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri A–S, 1961. 97 p.
- Brief Catalogue of Oirat manuscripts, kept by Institute of Language and Literature. Vol. III by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2005. 270 p.
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 575 p.
- Osto D. E. A new translation of the Sanskrit *Bhadracarī* with introduction and notes // New Zealand Journal of Asian Studies 12, 2 (December 2010). P. 1–21.
- Osto D. E. A study and translation of the Samantabhadracaryāpranīdhānam (prose) of the Gaṇḍavyūhasūtra. A thesis submitted ... for the degree of Master of Arts. University of Washington, 1999. 118 p.
- Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian // Central Asiatic Journal. Vol. 1. No. 1 (1955). P. 36–42.
- Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 18. Fasc. 1/2 (1965), pp. 119–147.
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // The Memoirs of the Toyo Bunko, 1991. № 49. P. 27–49.
- Surendrabodhi — [электронный ресурс] // URL: <http://gywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (дата обращения: 15.08.2017).
- Tumurtogoo D. Mongolian monuments in Uighur–Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006. 722 p.
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian manuscripts and Xylographs in the Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 529 p.
- Yeshe De — [электронный ресурс] // URL: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Nanam-Yeshe-De/10904> (дата обращения: 15.08.2017).

Sources

- Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-iin qayan* [The Noble King of Prayers of Excellent Conduct]. *Nomuyadqaqu-yin sitügen* [The Basis of Discipline]. Šata-piṭaka series, Indo-Asian literatures, vol. 208, New Delhi, 1979, pp. 499–508 (In Mong.).

References

- Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po mongol'skomuazykoznaniiyu* [Works on Mongolian linguistics]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 952 p. (In Russ.).
- Kara D. *Knigi mongol'skikh kochevnikov (sem' vekov mongol'skoy pis'mennosti)* [Books of Mongolian nomads: seven centuries of Mongolian script]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 229 p. (In Russ.).
- Kasyanenko Z. K. *Sovremennyy mongol'skiy yazyk: uch. pos.* [Modern Mongolian]. Moscow, Muravey Publ.; Vost. Lit. Publ., 2002, 159 p. (In Russ.).
- Katalog Peterburgskogo rukopisnogo «Gandzhura» / sost., vved., translit. i ukazat. Z. K. Kas'yanenko* [A catalogue of the St. Petersburg manuscript of the Kangyur. Comp., translit. and comment. by Z. Kasyanenko]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 382 p. (In Russ.).
- Kychanov E. I., Melnichenko B. I. *Istoriya Tibeta s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Tibet from the earliest times to the present days]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 351 p. (In Russ.).
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/197c.html> (accessed: 14 August 2017) (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Buddiyskie pis'mennye istochniki na tibetskom i oyratskom yazykakh v kollektivnykh Kalmykii* [Tibetan- and Oirat-language Buddhist texts in the collections of Kalmykia]. Elista, Dzhangar Publ., 2012, 224 p. (In Russ., Kalm. and Tib.).
- Muzraeva D. N. *Tibeto-mongol'skaya povestvovatel'naya literatura XVII–XVIII vv. (Perevodnye pis'mennye pamyatniki na*

- mongol'skom i oyratskom yazykakh*) [Tibetan-Mongolian narrative literature: the 17th-18th cc.]. Elista, Dzhangar Publ., 2013, 150 p. (In Russ., Tib. and Mong.).
- Populyarnyy slovar' po buddizmu i blizkim k nemu ucheniyam / sost. Golub L. Yu., Drugova O. Yu., Golub P. Yu.* [A popular dictionary of Buddhism and related teachings. Comp. by L. Golub et al.]. Available at: <https://coollib.com/b/100767/read> (accessed: 14 August 2017) (In Russ.).
- Roerich Yu. N. *Tibetskie zaimstvovannye slova v mongol'skom yazyke* [Tibetan loan words in the Mongolian language]. Available at: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (accessed: 15 August 2017) (In Russ.).
- Sazykin A. G. *Katalog mongol'skikh rukopisey i ksilografov Instituta vostokovedeniya RAN. T. 2* [A catalogue of Mongolian manuscripts and woodblock prints (Institute of Oriental Studies of the RAS)] Moscow, Vost. Lit. Publ., 2001, 416 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov* [A comparative grammar of Mongolic languages]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Tsybikov G. Ts. *Izbrannye trudy. V 2-kh t. T. 2: O tsentral'nom Tibete, Mongolii i Buryatii* [Selected works. In 2 vol. Vol. 2. About Central Tibet, Mongolia and Buryatia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 240 p. (In Russ.).
- A dictionary of Tocharian B by Douglas Q. Adams. Leiden Studies in Indo-European 10. XXXIV. Rodopi: Amsterdam–Atlanta, 1999. 830 p. Available at: <https://www.win.tue.nl/~aeb/natlang/ie/tochB.html> (accessed: 15 August 2017) (In Eng.).
- Asmussen J. P. The Khotanese *Bhadracaryādeśanā* (Text, translation, and glossary, together with the Buddhist Sanskrit original). Copenhagen, Bianco Lunos Bogtrykkeri A–S, 1961, 97 p. (In Eng.).
- Brief Catalogue of Oirat manuscripts, kept by Institute of Language and Literature. Vol. III by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar, Soyombo Printing, 2005, 270 p. (In Eng. and Mong.).
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden, Brill, 2004, 575 p. (In Eng.).
- Osto D. E. A new translation of the Sanskrit *Bhadracarī* with introduction and notes. New Zealand Journal of Asian Studies 12, 2 (December 2010), pp. 1–21 (In Eng.).
- Osto D. E. A study and translation of the *Samantabhadracaryāpranidhānam* (prose) of the Gaṇḍavyūhasūtra. A thesis submitted ... for the degree of Master of Arts. University of Washington, 1999, 118 p. (In Eng.).
- Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian. Central Asiatic Journal, vol. 1, No. 1 (1955), pp. 36–42 (In Eng.).
- Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, vol. 18, fasc. 1/2 (1965), pp. 119–147 (In Eng.).
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts. The Memoirs of the Toyo Bunko, 1991, No. 49, pp. 27–49 (In Eng.).
- Surendrabodhi*. Available at: <http://rywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (accessed: 15 August 2017). (In Eng.)
- Tumurtogoo D. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006, 722 p. (In Eng.).
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian manuscripts and Xylographs in the Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001, 529 p. (In Eng.).
- Yeshe De*. Available at: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Nanam-Yeshe-De/10904> (accessed: 15 August 2017) (In Eng.).

УДК 811.512.33

Некоторые аспекты графо-фонетической интерференции в монгольских переводных текстах (на материале монгольского перевода сочинения «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа»)

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье анализируется монгольский перевод сочинения «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа», одного из популярных буддийских текстов девиционального жанра. На примере заимствований из санскрита, уйгурского, тибетского и китайского языков автором рассматриваются некоторые случаи графо-фонетической интерференции или способов ассимилирования заимствованных слов в монгольском языке.

Ключевые слова: переводная буддийская литература, Тибет, Монголия, «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа», графо-фонетическая интерференция